

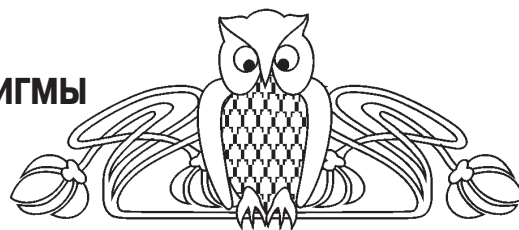

УДК 811.161.1'373.611

БЛЕНДИНГ В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

Л. С. Абросимова

Педагогический институт Южного федерального университета
E-mail: abrossimova@mail.com

В статье рассматривается когнитивно-коммуникативная природа блендинга (контаминации) как способа словообразования. Блендинг определяется совмещением ментальных пространств в однословных мотивированных знаках, характеризующихся семантической лаконичностью, емкостью и большим потенциалом выражения экспрессивности.

Ключевые слова: словообразование, блендинг (контаминация), когнитивно-коммуникативная парадигма, ментальное пространство.

Blending from the Aspect of Cognitive-Communicative Paradigm

L. S. Abrosimova

The paper considers the cognitive-communicative nature of blending (contamination), as a word-formation process. Blending is characterized by the combination of mental spaces in one-word motivated signs, accompanied by their semantic laconic brevity, fullness and a great potential of expressiveness.

Key words: word-formation, blending (contamination), cognitive-communicative paradigm, mental space.

Когнитивная лингвистика (Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Л. Талми, У. Чейф, Ч. Филлмор, Н. Д. Арутюнова, Н. Н. Болдырев, В. И. Карасик, В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, Ю. Н. Караулов, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, В. Н. Телия и др.) представляет собой одно из инновационных направлений, которое позволяет рассматривать многие языковые процессы, в том числе и словообразовательные, с позиций «человеческого фактора» и «когнитивной деятельности» (восприятия, использования, хранения и продуцирования информации). В данном ракурсе когнитивная деятельность человека не только сводится к использованию уже существующих лексических единиц, но и включает способность формировать новые. В этом аспекте важным представляется положение, высказанное Н. Н. Болдыревым: «Процесс формирования значений представляет собой когнитивный, познавательный процесс, тесно взаимосвязанный с познанием окружающего мира и формированием соответствующих понятий»¹.

До сих пор наибольшее развитие в рамках когнитивной лингвистики получили проблемы грамматики и семантики, лингвистической прагматики, синтаксиса и теории текста. Мы полагаем, что деривационные процессы, подробно исследованные в рамках структурной парадигмы

в языкознании, являются недостаточно изученными с точки зрения когнитивистики. Переход лингвистики на новый уровень, когда в центре внимания которого оказывается познавательная деятельность человека, дает основания полагать, что «исток вторичности следует искать не на языковом уровне, а на ментальном»².

Полагаем, что залогом деривационного функционирования языкового знака является прежде всего динамический, саморазвивающийся и – что немаловажно – саморегулирующийся характер ментальной сферы индивида, в рамках которой структуры знания, формирующиеся как результат определенных когнитивных процессов, претерпевают модификацию, приращение, дробление, реструктуризацию и другие изменения, фиксируемые в некоторой форме посредством языковых единиц. В значениях производных единиц «представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой»³.

На современном этапе развития английского языка одним из высокопродуктивных способов образования слов является контаминация (blending). Контаминация – сравнительно молодой феномен, она получила свое распространение в XX в. и заключается в соединении двух усеченных или одной усеченной и одной полной основ в одну лексическую единицу. Получившееся новообразование включает в себя лексические значения обоих слов, из которых оно возникло. Примерами подобного словообразовательного явления могут служить следующие слова: мопед (мотоцикл + велосипед), brunch (breakfast + lunch), Oxbridge (Oxford + Cambridge), motel (motor + hotel), Spanglish (Spanish + English), smog (smoke + fog), workaholic (work + alcoholic), Adidas (Addi + Dasler), Eurovizion (Europe + television), boatel (boat + hotel), chunnel (tunnel + channel), blizzaster (blizzard + disaster) и др. Здесь следует отметить, что отсутствие формально выраженного словообразовательного форманта не может быть препятствием для «озычивания» ментальных репрезентаций, как и в случае с сокращением, конверсией или реверсией.

Контаминация (блендинг) может представлять собой намеренный или ошибочный процесс формирования слова, характерными дискурсивными особенностями которого являются

тенденция к компрессии формы и содержания, стремление к экспрессии и созданию скрытых смыслов, языковой игре и др.

Первые «слияния» носили случайный характер и часто представляли собой окказионализмы. Льюис Кэрролл (Ч. Л. Доджсон) является известным творцом контаминаций, превратившим их создание и использование в литературный прием и назвавшем эти слияния «portmanteau words». Он писал: «Well, “slithy” means “lithe and slimy” <...> You see it’s like a portmanteau – there are two meanings packed up into one word... “Mimsy” is “flimsy and miserable”»⁴. Другие общеизвестные примеры Л. Кэрролла – chortle (chuckle и snort), galumph (gallop и triumph).

В связи с недостаточной изученностью как название, так и сущность данного процесса трактуются по-разному. В литературе можно найти различные его определения: контаминация, вставочное словообразование, стяжение, слияние, телескопия, blending, fusion и др. Еще в середине XX в. отечественные языковеды не считали контаминацию особым способом словообразования и отождествляли его со словосложением (И. М. Берман, Н. М. Шанский, К. Сунден, Е. И. Чадаевская и др.).

По нашему мнению, существует разница между сложными словами и блендами: сложные слова состоят обычно из целых слов (*rainfall*, *blackboard*), тогда как бленд – из частей слов и характеризуется «морфонологической особенностью соединения компонентов на стыке – усечением, наложением и вставками морфов» и иногда неусеченными морфемами⁵, например слово-слиток (бленд) *workaholic*, являющееся результатом слияния слов *work* + *alcoholic*. Что касается семантики контаминаций, то они выражают концепт, характеризующийся единством смыслов обоих компонентов. Бленд всегда является мотивированной единицей, что обусловлено самим процессом создания подобных единиц. В этом случае «ключевую роль играют стилистические принципы и приемы для обеспечения успешной передачи информации в виде мотивирующей структуры слова, в которой соединяются как минимум два исходных слова посредством их усечения с возможным наложением и вставками морфов в соответствии с установкой на опознавание производящих основ»⁶.

В терминологии Ж. Фоконье и М. Тернера семантику деривационного блендинга (контаминации) можно представить в виде концептуального блендинга (conceptual blending), в процессе которого происходит объединение исходных концептов в конечные (относительно) концептуальные структуры. Внутри них исходные концепты согласуются друг с другом по тем или иным правилам. В основу семантики производного слова ложится сформированная в голове человека или формируемая по мере необходимости определенная пропозициональная структура со строгими и

регулярными правилами объективации, так как они задаются словообразовательным моделированием. Ж. Фоконье утверждает, что концептуальная интеграция (conceptual integration), или концептуальный блендинг (conceptual blending), является основой ментальной способности, ведущей к новым значениям, глобальным озарениям, концептуальной компрессии, удобной для памяти, а также манипулированию значениями. Во многом этот процесс, несмотря на сложность, протекает неосознанно⁷.

Связь языкового и ментального уровней проявляется в том, что в результате познавательной деятельности человека появляются концепты, которые впоследствии становятся неотъемлемой частью общей концептуальной системы и репрезентируются в языке. Закрепившиеся полученные концепты, сохраняя деривационные связи с исходными структурами, создают основу для дальнейшего процесса развития. При этом, учитывая относительно ограниченный набор материальных средств языка и огромное количество разнообразных смыслов, которые нужно передать, процесс концептуальной деривации происходит непрерывно. Также важно учитывать, что концепт – это динамическое явление, так как содержание концепта, а также его взаимосвязь с другими концептами зависят от изменений в массовом сознании, которые, в свою очередь, определяются изменениями в общественной жизни, сменой приоритетов и ценностей.

Огромное количество контаминаций появляется на стыке XX–XXI вв., что объясняется рядом факторов: стремлением к экономии языковых средств и усилий, распространением Интернета и популярностью использования языковой игры в Интернете и средствах массовой информации. Способность контаминаций привлечь внимание к необычной языковой форме (ироническое Лолливуд (Лахора (пакистанский город) + Голливуд), их броскость широко используются в эргонимах – наименованиях торговых марок и рекламных продуктов (Amway – American Way, Camcorder – camera + recorder).

В. М. Лейчик отмечает, что процесс создания таких телескопических слов «идет по возрастающей линии; если за прошлые века отмечено всего несколько десятков этих слов, причем в основном в просторечии, то сейчас они образуются сотнями, притом и в сфере нарицательных имен, и в сфере номенклатуры, и в сфере собственных имен»⁸.

Когнитивно-коммуникативный подход позволяет не только рассмотреть контаминацию как естественный процесс создания универбов на базе раздельноформленных наименований, но и установить его когнитивную релевантность. Являясь способом словообразования на синтаксической основе, контаминация связана с вынесением суждения о каком-либо предмете, объекте действительности, основанного на приписывании ему определенных признаков и

свойств. Движущей силой значения создаваемой новой единицы на основе стяжения компонентов выступает пропозиция, которая, являясь когнитивной схемой, потом трансформируется в линейную последовательность знаков.

Будучи емкими и в то же самое время экономными единицами, контаминации активно пополняют словарный состав современного английского языка в сфере политики, экономики, рекламы, в средствах массовой информации, а также в повседневной речи: *computerate* (прил.) – продвинутый в сфере компьютерных технологий. Данное прилагательное образовалось путем сращения слов *computer* и *literate*. Предпосылкой возникновения данного неологизма явилась программа всеобщего компьютерного образования, нацеленная на выработку компьютерной грамотности (*computer literacy*) у населения в 70-х гг. XX в.; *cybrarian* – человек, который занимается сбором, классификацией и сохранением информации из Интернета (*cyber + librarian*); *Webinar* (1998) – семинар, проводимый в режиме on-line с возможностью участвовать в нем дистанционно в режиме реального времени (*web + seminar*); *staycation*, *staycationer*, n (fr. *stay-at-home + vacation*) – a *stay-at-home vacation*; *fakcation*, *fakcationer*, n (fr. *fake + vacation*) – a *vacation where a significant amount of time is spent reading email and performing other work-related tasks*; *smexting* (fr. *smoking + texting*) – *sending text messages while standing outside on a smoking break*.

Контаминация является продуктивным способом образования незуальных окказиональных и потенциальных новообразований. По своей природе данный способ словообразования, возможно, даже больше, чем другие способы, предполагает привлечение основных когнитивных и творческих способностей человека, что обусловлено желанием выразить мысль как можно полнее, точнее и ярче. При этом происходит активное приращение эмоциональной составляющей, которая способствует созданию более яркого образа в однословной единице, не привлекая каких-либо других языковых выразительных средств.

Новая лингвистическая парадигма в науке о языке предполагает взаимосвязь когнитивного и коммуникативного аспектов человеческого познания. Нам представляется важным отметить эмотивную функцию языка как важнейшую в дифференциации процессов и алгоритмов искусственного и человеческого интеллекта. Эмотивный характер языковых средств изучается давно и довольно активно. Исследования теории экспрессивности в лингвистике возникли в конце XIX в. Родоначальником концепции экспрессивности считается выдающийся представитель Женевской лингвистической школы, ученик Фердинанда де Соссюра Шарль Балли, который выделил и описал основные приемы создания экспрессивности. Экспрессия языковых средств стала темой работ А. А. Потебни, К. Вандри-

са, Е. М. Галкиной-Федорук, В. А. Звегинцева, Т. Г. Хазагерова, В. Н. Телия, В. И. Шаховского, Б. Я. Шарифуллина и других ученых.

Ведущей сквозной темой философии М. М. Бахтина, как он ее сам определяет, является «эстетика словесного творчества». Эта емкая формула автора стала заглавием его фундаментальной работы. Бахтин считает, что нельзя вывести язык из другой потребности, понять его природу и механизмы функционирования иначе чем через потребность человека выразить себя, объективировать и обнаружить себя в мире. Сущность языка, по его мнению, сводится к духовному творчеству человека. Ученый отмечает, что всякое слово существует для говорящего в трех аспектах: во-первых, как нейтральное, никому не принадлежащее слово языка, находящее свое бытие в многочисленных словарях; во-вторых, это «чужое» слово других людей, несущее печать чужих мыслей, эмоций, чужого опыта, и, наконец, «как мое слово, ибо, поскольку я имею с ним дело в определенной ситуации, с определенным речевым намерением, оно же проникается моей экспрессией»⁹.

Таким образом, об экспрессивности слова, по Бахтину, можно говорить, только имея в виду человека, преследующего свои цели, имеющего свои жизненные намерения и опыт. Экспрессивность принадлежит не самому слову, она рождается в ситуации диалога личности с внешним миром. В этот момент слово перестает быть частью грамматики, а становится частью духа человека, выражающего оценку, предрасположенность, отношение, эмоцию и др. «Слова ничьи, сами по себе они ничего не оценивают, но они могут обслужить любого говорящего и самые различные и прямо противоположные оценки говорящих»¹⁰. Это потому, что в языке за длительную историю его развития выработались приемы, накоплен богатый арсенал языковых средств – лексических, морфологических, синтаксических, фонетических и др., – позволяющих эмоционально выражать любую позицию в различных ситуациях и достигать даже межпоколенного понимания.

Экспрессивность подразумевает усиление воздействия на собеседника, часто сопровождаемое намерением добиться своих целей. В большей степени это касается следующих видов дискурса: политического, рекламного, спортивного репортажа, художественной литературы и разговорного. Экспрессивность выходит на первый план, когда необходимо обратить внимание собеседника, подчеркнуть, убедить, заставить запомнить информацию, усилить воздействующую силу высказывания. Все эти приемы можно отнести к намеренным способам прагматического воздействия на собеседника. С другой стороны, говорящий может просто выразить свои эмоции при помощи тех или иных экспрессивных языковых средств. В данном случае можно говорить о непроизвольности и спонтанности их выбора.

Становление новой антропоцентрической парадигмы, позволяющей исследовать многие процессы с точки зрения «человеческого фактора», ставит новые задачи для исследователей. В этом плане пристального внимания ученых требуют когнитивные аспекты экспрессивности. Являясь основой когнитивности, информативная и экспрессивная функции языка противопоставлены друг другу. Информативность подразумевает систематичность, логичность, унификацию, дискретность, правильность, в то время как экспрессивность имеет в виду маркированность, недискретность, нестандартность, нарушение, нелогичность. Несмотря на такую антиномию, два этих компонента успешно «сосуществуют» и, более того, «сотрудничают», продвигая акт коммуникации.

Часто эмотивный компонент играет более важную роль в освоении информации, чем предметно-содержательный. Языковая экспрессивность, являясь репрезентацией реальных эмоций в сознании человека, связана с процессами концептуализации и категоризации. Концептуализация приводит к порождению новых смыслов, а также образованию концептов как содержательных оперативных единиц знания (или концептуальных структур) и всей концептуальной системы человека.

Следует отметить, что сознание человека оценивает и концептуализирует объекты действительности по степени важности их признаков для той или иной ситуации и создает значения с большей или меньшей степенью выраженности их признаков.

Окказиональные сращения, значения которых обусловлены исключительно замыслом автора, материализуются в языке на уровне индивидуального фрейма. При восприятии окказионального сращения индивидуальный фрейм его значения может варьировать в соответствии с когнитивным опытом каждого человека. При распознавании контаминаций активизируются ассоциации и смыслы культурной памяти, что оправдывает прагматические установки их создателей. Следующие примеры сращений К. Мелихана являются результатом окказионального творчества и наполнены целым рядом легко распознаваемых другими смыслами: *Пни недели: поневольник, вздорник, череда, чертверх, потница, своббота, раскисенье (два последних – буходные, остальные – трудни). Календурь: Пьянварь, Фигвраль, Кошмарт, Сопрель, Сымай, Теплонь, Жарюль, Августь, Свистябрь (Слюнтябрь), Моктябрь, Гноябрь, Дубабр.*

Производство подобных окказионализмов-блендов чрезвычайно ярко отражает намерение автора, связано с суждением об объекте и акцентуации его некоторых свойств и признаков. Такие единицы легко воспринимаются, и авторские интенции легко распознаются читателем. Концептуальная структура лежит в основе семантики

производного слова и имеет вид пропозиции. Е. С. Кубрякова утверждает, что «словообразовательные модели разного типа можно рассматривать как формулы регулярной свертки пропозициональной структуры», актуализируемой производными словами¹¹. У большинства словообразовательных моделей есть сходные модели в системе репрезентации знаний.

По Бахтину, говорящий человек – это человек творящий, поскольку процесс словотворчества предполагает не только поиск наиболее подходящих замыслу высказывания существующих лексических единиц, но и создание новых. Даже в самой свободной, непринужденной беседе мы не всегда можем найти подходящие нашим замыслам и целям словесные средства и вынуждены в рамках заданных языком правил создавать слова, наиболее аутентичные той или иной ситуации общения.

Известными творцами новых слов были В. Хлебников, Л. Кэрролл, В. Гершуни, Вяч. Иванов, А. Белый, З. Гиппиус. В их окказионализмах сконцентрированы разные смыслы и образность. Такие слова представляют собой не просто языковые единицы, но литературные изыски.

Русские писатели и поэты рубежа XIX–XX вв. остро ощущали кризис эпохи. Рупором их надежд на новую жизнь становится новое слово. Слово как таковое в их текстах лишается ореола неприкосновенности. Его можно дробить, изменять любыми способами, переименовывать, создавать новые комбинации фонем и морфем. Всем известно, что В. Хлебников появился под призыв бросить Пушкина с корабля современности. Он отказывается от гармонического литературного языка. Он отказывается от всех правил синтаксиса, морфологии и словообразования. Он создает свои законы, неподвластные воображению. Он творит язык заново, по-своему, не подражая никому. В. Хлебников даже считал, что «произведение могло состоять из одного слова»¹². Действительно, в одном слове С. Салтыкова-Щедрина «благоглупость» присутствуют и объединение смыслов (концептуальный блендинг), и выраженное отношение автора, и стилистическая образность (совместимость несовместимого – оксюморон). Какие ассоциации и чувства у нас вызывают авторские бленды – «благовестительство» А. Белого, «злопыхатель» М. Салтыкова-Щедрина, «словязь» В. Гершуни, «истинолюб» В. Хлебникова, «речепис», «рабдень», «благомыслие», «злосекс» Дж. Оруэлла?

Несомненно, такие слова содержат дополнительные регистры смыслов и их восприятие требует большой мыслительной и художественной культуры. Более того, сталкиваясь с такого рода лексическими образованиями, читатель задумывается об авторе, его чувствах и желаниях. Эти слова, не зарегистрированные словарями, и есть в некотором роде путь к самоидентификации.

Производность как фактор и результат дериивационных процессов является важной когни-

тивной характеристикой производных единиц вне зависимости от ее формальной выраженности. В когнитивно-лингвистическом отношении безаффиксальные способы словообразования, так же как и аффиксальные, требуют от субъекта применения знаний о реальной действительности. Новое именование всегда мотивировано своими отношениями с денотатом. Таким образом, производность отражает признак двойной референции, а именно к языку и к реальной действительности, рефлексирюя отношения не только производящей основы и производного, но и их денотатов. Вслед за Е. С. Кубряковой мы полагаем, что новая номинативная единица языка (вне зависимости от выраженности словообразовательного формата) создается прежде всего в когнитивных целях, то есть для «объективации и последующей фиксации в языке определенной структуры знания или отражения и оценки определенного фрагмента мира»¹³.

Актуальной задачей настоящего этапа в исследовании словообразовательного моделирования является поиск определенных корреляций между концептуальными и языковыми структурами, поэтому представляется необходимым показать, что за внешней достаточно экономной организацией особого рода конструкций – производных единиц в общем и контаминаций в частности – стоит внутреннее богатство совмещенных ментальных пространств. Тенденция к языковой экономии рассматривается как важнейший фактор языковой эволюции. Аналитические тенденции на морфологическом уровне могут считаться результатом закона лингвистической экономии. В языке возникает все большее количество сокращенных лексических единиц – аббревиатур, усечений, контаминаций, слов с неполной морфологической структурой – или сложных слов (более экономных, чем словосочетания).

Описываемые производные единицы формируются в качестве однословных мотивированных знаков, которые становятся более удобными для коммуникации благодаря своей семантической лаконичности и емкости. В качестве иллюстрации можно рассмотреть слово «рейганомика». Даже без контекста становится понятным его значение. Отсутствие такой лексической единицы обусловило бы употребление только описательной развернутой конструкции. Новая единица является более компактной и отвечает дискурсивным требованиям, например: «Надо сказать, что по соседству с нами жили в основном водители автобусов, полицейские, работники автозаправок и матери-одиночки, получающие пособие, – в общем, сплошной пролетариат, который “рейганомика” прижала к ногтю» (курсив наш. – Л. А.)¹⁴. По аналогии образованы «клинтономика», «обаманомика», «путинономика».

Деривационные процессы занимают одно из ключевых мест в процессе познания мира через единицы естественного языка, и само «словообразование следует рассматривать как систему обеспечения потребностей в выделении и фиксации особых структур (ментальных репрезентаций опыта и знаний человека), т. е. “упаковки” в языковые формы, отвечающие определенным формальным и содержательным требованиям»¹⁵. По мнению Е. С. Кубряковой, «в компетенцию словообразования входит его участие в формировании языковой картины мира, в актах категоризации, в процессах когнитивной обработки поступающей к человеку информации»¹⁶.

В результате протекания познавательных процессов язык постоянно обогащается и развивается, а продуцирование дериватов в общем и контаминаций в частности прежде всего обуславливает закрепление человеческого опыта, что приводит к отражению в словообразовательных единицах когнитивных итогов осмысления мира как языковой личностью, так и целым языковым сообществом.

Примечания

- ¹ Болдырев Н. Функциональная категоризация английского глагола. М., 2009. С. 17.
- ² Бабина Л. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи : монография. Тамбов ; М., 2003. С. 4.
- ³ Леонтьев А. Деятельность и сознание // Вопр. философии. 1972. № 12. С. 134.
- ⁴ Цит. по: Stockwell R., Minkova D. English Words : History and Structure // Cambridge University Press. 2001. P. 6.
- ⁵ См.: Хрущева О. Блендинг в системе словообразования // Вестник ОГУ. 2009. № 11(105). С. 96.
- ⁶ Там же. С. 97.
- ⁷ См.: Fauconnier G. Conceptual Integration (2001). URL: <http://www.ifi.unizh.ch/ailab/people/lunga/Conferences/EDEC2/invited/FauconnierGilles.pdf> (дата обращения: 15.03.2011).
- ⁸ Лейчик В. Люди и слова : Как рождаются и живут слова в русском языке. М., 2009. С. 86.
- ⁹ Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 268.
- ¹⁰ Там же. С. 264.
- ¹¹ См.: Кубрякова Е. Язык и знание. На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. С. 412.
- ¹² Григорьев В. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М., 1986. С. 171.
- ¹³ Кубрякова Е. Указ. соч. С. 521.
- ¹⁴ Хоссейни Х. Бегущий за ветром. М., 2008. С. 156.
- ¹⁵ Кубрякова Е. Указ. соч. С. 393–394.
- ¹⁶ Там же.